

Красная площадь-65

Время Валентина Александровича Николаева кончилось. Сняли. Кто-то стукнул, и полетел наш тренер с очень нехорошей статьей – левые матчи. Это было такое явление – собиралась команда класса «А» и катила на игру в какой-нибудь Крыжополь, показать образцы мастерства аборигенам. Не даром, понятное дело, во всяких колхозах-миллионерах и хитросекретных заводах по профсоюзной линии водились неподотчетные или не совсем подотчетные денежки. Народ в глуши развлечений не имел, оттого тосковал, пил и снижал производительность труда. Вот и спешили богатенькие гонцы в столичные клубы. А там их ждали со всем возможным вниманием: ставки в командах мастеров были не выдающимися, а в загранку пускали нечасто и не всех. За такого левака ребята, сплошь и рядом, получали месячный оклад, так говорили – сам не считал. Николаев о ребятах заботился, и леваки организовал так, чтобы и играли прилично, и приварок имели постоянный. Ну, само собой, ни одно хорошее дело не остается безнаказанным. В газете (в «Футболе», если не ошибаюсь) какой-то говнюк на нем потоптался, поунижал – «нравы чуждые советскому спорту, рвачество».

Признаюсь честно, тогда мне, воспитанному в советской интеллигентной семье с характерным некоторым пренебрежением к материальной стороне жизни (тем более что хотеть тогда особенно было нечего), было неприятно – тренер любимой команды какими-то гешефтами занимается. А потом, повзрослев и немножко поумнев, стал смотреть на это иначе. Навидался я спортсменов, которых, в те времена еще до тридцати, выбрасывали по минованию надобности. Без профессии, практически без образования¹, без каких-либо серьезных накоплений, которые позволили бы пережить перелом. Перелом и материальный – пропадал постоянный источник дохода, и моральный – разом человек никому становился не нужен. Как у нас умеют хамить ненужному человеку, объяснять не надо. Никаких пенсий спортсменам быть не могло – они ж все любители. Вот балерины – те понятно, это профессия, в 35 лет могли получить скромную, но пенсию. А вам, голубчики, черта лысого, молодые, здоровые, на вас пахать можно. И спивались, и помирали в одночасье. А ведь, если соразмерить то, что эти люди делали на поле и что им за это платили, можно считать, что они бились чисто за идею.

При этом существовала целая сфера футбольно-развлекательных услуг. Раменский «Сатурн» начинал свою историю именно как бригада футбольных шабашников. Играли они среди коллективов физкультуры, в составе постоянно были доигрывающие из московских клубов и не прошедшие в основы дублеры. Душили всех, выигрывали Кубок среди КФК, но, упаси бог, никогда – пульку за выход в класс «Б». Фиг там надрываться, доходы снижать! Вот в пулечках они скромное третье-четвертое место и прихватывали. Зарабатывали – больше, чем в классе «А». В Раменском был завод радиоэлектронного оборудования то ли Минобщемаша², то ли Минсредмаша, то ли Миноборонпрома, в общем – с деньгами. Все футболисты числились какими-нибудь токарями по хлебу 6 разряда. Ставки на таких заводах были выше обычных, плюс премии, леваки... Периодически недреманное око государства на все эти художества недобро шурилось, и командочка быстренько растворялась в окружающей среде. А через годик смотришь – они опять всех дерут...

А Валентин Алексаныч всего лишь заботился о ребятах, как все советские люди, изворачивался, что-то для своих выбивал. А там поздоровался он с кем-нибудь не так или что другое – не знаю, но попал он крепко и отмылся нескоро – сослали его в Хабаровск. Ни к чему хорошему это не привело. Пришел Шапошников из Львова, а с ним началось «Карпатское нашествие».

За собой Шапошников притащил из львовского СКА Богдана Грещака, Степана Варгу, Тараса Шулятицкого, Стаса Варгу, Марьяна Плахетко, Владимира Капличного, на следующий год – Владимира Дударенко (позже – еще и его брата Николая), Колодия и форварда с совершенно замечательным именем

¹ Про Боброва рассказывали, как он в Академию Жуковского приезжал раз в семестр рассказать о спортивных достижениях, там ему зачетку и заполняли, но он-то потом оказался талантливейшим тренером, особенно в хоккее, не пропал, а другие?

² Министерство общего машиностроения – на самом деле – ракетное, а среднего - атомное

и фамилией – Вильгельм Теллингер. Кто там после этого «ограбления века» остался играть в львовском СКА – неведомо... Еще и Иштвана Секеча из одесского СКА прихватили для комплекта.

Я много ждал от этих «легионеров», наслушавшись в Киеве местных легенд о венгерских футболистах из Закарпатья – ну, чистые иностранцы, техничные, тонкие игроки. Кстати, в советские времена существование советских венгров как-то старались затушевывать. Странно, казалось бы – не евреи. Обязательно им меняли имена на русский или украинский лад – киевского Сабо и нашего Бецу из Йожефов переделали в Иосифов, ужгородского вратаря Андраша Гаваши, которого забрали в Киев, писали Андреем, Габора Вайду, вратаря «Карпат», числили Гавриилом, и т.д.³ С прибалтами как «титულными нациями» в своих республиках обходились вежливее – писали, как есть, но при первом же случае все-таки русифицировали. Как только Юрис Репсис из хоккейной «Даугавы» переехал в московское «Динамо», ему все его латышские «с» пообрубали и стали звать Юрием Репсом. Интересно, чем это лучше? Видимо в отместку, когда я на каникулах под Ригой записался в местную библиотеку, в формуляре написали – Юрис.

Львовские нападающие поначалу у нас нашумели. И Грецак, и Степан Варга – оба ребята скоростные, напористые, но не слишком техничные. Команда начала бодро, держалась наверху, одно время шла второй вплотную за киевлянами, однако в решающий момент крупно им продула, а потом просто посыпалась. В отчаянной надежде, что хоть в этом матче что-нибудь зацепим, приперся я на «Динамо» в мороз, на дорожках снег лежал, на поле наши тупо упирались в защиту кутаисского «Торпедо» и ни черта сделать не могли. А грузины пару раз удрали в контратаку, защита провалилась, и готово – 0:2. В итоге после николаевской бронзы оказались на пятом месте, однако ж Шапошникова что-то не погнажи, хотя было видно, что ни свежих идей, ни способности классно готовить команду у него нет...

На следующий год дебютант Теллингер в первых пяти матчах наколотил 5 штук, а потом – присмотрелись к нему, и – все. И опять мы остались ни с чем. А львовяне потихоньку осыпались из команды – остались Капличный, Плахетко и Владимир Дударенко. Так вот получается – приходят двое из одной и той же команды, и один сразу становится своим, а другой исчезает, не оставив никакого следа в душах болельщиков, и только сумасшедшие фанаты-энциклопедисты держат в голове их фамилии и цифровые данные. Так случилось и с львовянами – вроде форварды больше на виду, но серьезного следа они, кроме Дударенко, в моей памяти не оставили, а защитники запомнились крепко.

Капличный составил великолепную пару с Шестерневым в клубе и в сборной. Играл он у нас долго, сначала просто было видно, что рослый, хорош вверху, а потом очень быстро набрался ума и класса, и врагу в центре нашей обороны делать стало нечего. Марьяну Плахетко по большому счету не повезло – он в любой команде был бы надежнейшим игроком основы, но не в ЦСКА. У нас он оказался за спиной Шестернева и Капличного, играл только, когда кто-то из них травмировался или их забирали в сборную. В 70-м был как раз тот случай – практически весь первый круг не было в составе почти всей основной защиты, забранной на чемпионат мира, но Плахетко не подвел – когда сборники вернулись, команда была на плаву. Марьян заметно уступал премьерам, но при этом был третьим–четвертым центрбеком в стране и играл даже в сборных, хотя у нас в основе выходил редко. Как игрока я его ставил существенно ниже Шестернева и Капличного, но за верность клубу уважал. Он остался в армии и служил в ЦСКА долгие годы. В целом тот карпатский призыв команду решающего успеха не принес, но вложил свой кирпичик в фундамент победы 70-го.

Такие волны случались и до того, как со свердловчанами, и после. Чаще это случалось, когда засвечивалась какая-то армейская команда – тогда ее обчищали целыми блоками. Выплыл как-то в высшую лигу одесский СКА – командочка слабосильная, вылетела немедленно и с треском. Когда они в

³ ситуация с венграми не исчерпывалась тем, что после войны мы прихватили Закарпатскую Русь, заселенную почти сплошь венграми, но и тем, что, оказывается, ханты и манси говорят практически на чистом древневенгерском. Венгры этим очень интересовались, и у наших правящих маразматиков возник страх перед панмадьярской идеей. Во всяком случае, венгров в Ханты-Мансийский округ не пускали.

первый раз у кого-то выиграли – это была сенсация. Впрочем, рекорд питерского «Адмиралтейца» они не побили – была такая команда, она проиграла, по-моему, все матчи первого круга. С нами одесситы сыграли забавно – 3:2, и два гола забили себе сами – вот это чинопочитание! Несмотря на хилость этих гвардейцев с Молдованки, утащили мы у них Пригорко – центрфорварда и Панова – полузащитника. Ну тот, ни другой классом не выделялись, хотя мои одесские знакомые и расписывали их как кудесников мяча.

Потом было увлечение армейцами хабаровскими. Еще когда они вышли в четвертьфинал Кубка, где выглядели вполне достойно, у них увели левого крайка – скоростного Поташева, но он сыграл считанные матчи. По роду своей работы проведя много экспедиций на Дальнем Востоке, я вплотную столкнулся с дальневосточным футболом, довольно своеобразной ветвью футбола советского. Развиваясь практически изолированно, особенно в годы, когда не существовало спутниковых трансляций, он вырос в специфическую сущность, как, впрочем, и вообще все дальневосточное. Изречение Ленина, насчет того, что «Владивосток далеко, но город-то нашенький», в жизни трактовалось с точностью до наоборот – город-то нашенький, но далеко-о!»

«Лучишка», как местные называют владивостокскую команду, всегда считался прочным лидером дальневосточной зоны вслед за хабаровскими армейцами, которые периодически все же выпрыгивали из местной рутинной в первую лигу. Игроки, как говорят на Дальнике, из России, почти туда не попадали, так что Пеле и Марадон местного разлива сравнивать было не с кем. Любили тех, кто вырос на сопках Приморья. Игра у местных была простоватая, но игроки всегда отличались атлетизмом, что потом было заметно по тем дальневосточникам, которые попадали в вышку. К нам в дубль из «Луча» взяли золотоволосого защитника Юрия Перельштейна, который у нас смотрелся очень прочным игроком, даже в основу пару раз подключался.

Из Хабаровска же к нам пришел Борис Копейкин, ставший одним из лучших форвардов ЦСКА, потом Колповский и Бычек. Первый из них играл в полузащите и обороне, как и большинство дальневосточников крепкий, плечистый, скоростной, малотехнический. В Хабаровске, где он был безусловным лидером команды, он, несмотря на свое амплуа, много забивал, а у нас отличался редко, но несколько лет пробыл в основе. Бычек не задержался, хотя тоже был не без способностей.

Все эти волны по-разному отражались на игре ЦСКА, но сам принцип комплектования – из игроков окружных команд, был по тем временам логичен – в Москву, в центральный клуб, вытаскивали способных игроков с периферии, и кое-кто, действительно, становился классным игроком.

Потом эта система вывернулась наизнанку – московских известных игроков забирали в армию, запикивали в дальний округ, чтоб служба случайно не показалась медом, а потом нахлебавшемуся тамошних прелестей вкрадчиво предлагали место в ЦСКА, на что большинство и соглашалось – и Никонов, и Ольшанский перед тем, как попасть к нам, пропутешествовали на берега Амура, а то и подальше. Потом по-разному получалось – одни оставались надолго, другие исчезали из команды при первой же возможности.

Откосить от такого варианта удавалось немногим – пожалуй, могу вспомнить, как призвали в армию Зимина, олимпийского чемпиона по хоккею, даже объявили, что за нас играть будет, он, однако, ловчился-ловчился, изображал увечного и добился, чтобы его списали в калининский СКА МВО, где он и провалял дурака до самого дембеля, карьера же его на этом, собственно, и закончилась. На кой черт было его призывать, тем более, в предельном и для призыва, и для хоккея возрасте?

Зима 65-го года ознаменовалась возникновением долгоиграющего сумасшествия советского народа. В Москве состоялся чемпионат Европы по фигурному катанию. Я в принципе знал, что такой вид спорта существует, и даже из книг по истории спорта мне было известно, что первый российский олимпийский чемпион Панин-Коломенкин добился победы как раз в этом виде спорта на Стокгольмской летней (!) олимпиаде 1912 года. Из отчетов в Совспорте мне были известны имена чемпионов СССР в парном катании

Нины и Станислава Жук и восходивших тогда звезд Белоусовой и Протопопова, но, например, чем парное катание отличается от танцев – понятия не имел.

Воздействие того европейского чемпионата на советский народ, по крайней мере на ту его часть, которая могла смотреть московское телевидение, было громоподобным и неизгладимым. Уже на второй вечер в часы передач с чемпионата с улиц исчезали люди, как потом – во время серий «17 мгновений весны». Надо отдать должное вкусу советских зрителей – даже при том, что ни в мужском, ни в женском одиночном разрядах у наших не было абсолютно никаких шансов, эстетическую сторону этого своеобразного вида спорта они оценили мгновенно и в полной мере. Страна лучшего в мире балета и великих музыкантов обладала врожденным художественным вкусом и влюбилась в фигурное катание по уши.

Лично на меня наибольшее впечатление произвела английская танцевальная пара Диана Таулер и Бернард Форд, которые даже не завоевали тогда никаких медалей, но были совершенно очаровательны. Я в них не ошибся – уже в следующем году они завоевали первенство мира и надолго стали мировыми лидерами. Между прочим, наши болельщики болели не за победителей, а за тех, кто производил большее художественное впечатление – явной фавориткой публики стала французская одиночница Николь Асслер, взявшая всего лишь бронзу, но оказавшаяся самой очаровательной и артистичной, способной к тому же на совершенно рекордный трюк – разогнавшись, она могла на одном коньке проскользнуть вокруг всей ледовой площадки и даже еще полдиаметра. Среди мужчин приз зрительских симпатий достался Алену Кальма, ставшему вторым, но попытавшемуся первым в мире выполнить тройной прыжок!

Гармония спорта и искусства была достигнута в парном катании, где Белоусова и Протопопов выступили с золотым блеском. Впоследствии, по мере роста уровня наших фигуристов с трансляциями первенств Европы и мира зимой конкурировали только самые забойные матчи сборной СССР по хоккею.



Елена Водорезова, Вооруженные Силы

Объединенными усилиями родителей и учителей, а потом и меня самого следы интернатовского разгильдяйства из меня вытряхнулись, и в 8-м классе я восстановил успеваемость и репутацию. А школа не только требовала, но и развлекала.

Как-то раз классы были подняты по тревоге и построены на линейку. Речь держал директор школы Алексей Николаевич Грюк. Оказывается, ученик 4-го класса Елдиков нашел на улице кошелек с 35 рублями (большая по тем временам сумма) и не зажил, а отнес в милицию. Смысл речи директора сводился к тому, что это «благородный поступок настоящего советского пионера, и все должны поступать также. Аплодисменты!»

Он так прямо и сказал! Несмотря на то, что директор славился суровым нравом, «господствующие классы» заржали в голос и устроили ему «бурные аплодисменты»... Завуч Ольга Павловна в классе после линейки, укоризненно на нас глядя, пробормотала что-то, что, дескать, так в газетах пишут... вот он и... А через

Надо отметить, что и в этом совсем «неконтактном» виде спорта спортсмены ЦСКА вскоре усилиями школы Станислава Жука захватили почти все командные высоты. Сначала появились Татьяна Жук⁴ и Александр Горелик, а потом Роднина – Уланов и заменивший его позже Зайцев. Хохотом и овацией аудитория встречала объявление о выходе на лед первой советской по-настоящему талантливой одиночницы, дебютировавшей в 9-летнем возрасте девочки: - Елена Водорезова, Вооруженные Силы!

⁴ Младшая сестра Станислава Жука и впоследствии некоторое время жена нашего великого защитника Альберта Шестернева

несколько дней подошло 23 февраля (тогда это был рабочий день), и школа затаилась в предвкушении. Не стану повторять весь стандартный набор, которым попотчевал нас директор – не в том суть, все ждали финала. И получили его: - Да здравствует Советская Армия! Аплодисменты!

Это была орация...

На следующий день мой друг Мишка родил эпиграмму:

Аплодисменты просит Грюк

После сказанного «хрюк»!

Эпиграмма мгновенно разлетелась по школе и даже повисла на двери учительской. Подействовало...

Весной 65-го подошла пора первого в моей жизни официального испытания – надо было сдавать выпускные экзамены за восьмилетнюю школу. Трудностей они не представили, но запомнились очень хорошо.

На самом деле, всем нам уже было известно, кого возьмут в 9-й класс, а кто отправится в ПТУ⁵. Тем не менее, уже тогда плановое хозяйство или попросту туфта проникли в отчетность школ, и никаких оставлений на второй год быть не могло, а потому, хошь-нихошь, 100%-ную успеваемость надо было обеспечивать.

Экзамен по математике мы писали в рекреационном зале первого этажа всеми тремя классами разом. Почему-то первым в первом ряду посадили упомянутого выше отличника Мишку, на первую парту во втором ряду – меня, а в третьем – Галку, тоже отличницу. Задачи были несложными кроме арифметического примера, где в результате получалась очень корявая дробь, хотя в обычных школьных задачках все всегда хорошо «сокращалось» и служило косвенным признаком правильного решения. Меня родители, зная мое разгильдяйство, очень накручивали перед экзаменом, чтобы не спешил, все делал внимательно и обязательно проверил решение. Мне и самому не хотелось испакостить экзамен по математике, которую я любил, так что я проявил несвойственную мне тщательность и все делал очень аккуратно. Однако уже через полчаса химичка, которая ходила между рядами, склонилась ко мне и сказала шепотом: - Ну, ты уже решил!

- Да, но я сейчас проверю решение... - Перестань! Все у тебя правильно, давай-ка перепиши решение на чистый лист!

Ну, раз мне говорят, что не надо, так я, конечно, тем более проверю! Второй раз перестать выпендриваться мне велела уже наша классная. Ладно, получив двойное подтверждение того, что у меня все в ажуре, я быстренько воспроизвел решение на отдельном листке, и у меня его тут же конфисковали. Листочек ушел в качестве эталонного назад по всему варианту. Освободившись от общественной нагрузки, я как раз успел заметить, как такой же листочек забирают у Мишки слева от меня и как дожидаются, когда такой листочек допишет Галка справа... В итоге три класса сдали три группы абсолютно идентичных работ «на отлично», но оценки у всех были разные – от трех до пяти. По совокупности предшествующих заслуг.

А спустя дней десять, досдав остальные три экзамена, мы в последний раз вместе отправились на Красную площадь отмечать окончание восьмилетки. Вообще-то такое полагалось только за 10 классов, но мы действительно расставались со многими одноклассниками, да и хотелось, как большим, погулять ночью в центре Москвы. Возглавляемые классной руководительницей, мы на 20-м троллейбусе доехали до центра и в толпе подваливающих со всех сторон таких же 15-летних двинули по Манежной и Кремлевскому проезду...

Я в первый раз оказался в этом месте ночью, что само по себе производило впечатление, а тут еще мы, буквально едва миновав Исторический музей, поняли, что вся площадь в дымину пьяна. Нам это поначалу нисколько не испортило настроения, и мы, хотя и были совершенно трезвы, тоже принялись

⁵ Профессионально-техническое училище. Реально уровень обучения в этих учебных заведениях давал возможность, как максимум, рассчитывать впоследствии на учебу в техникуме, а чаще ученики отправлялись прямиком на производство.

резвиться. Как-то веселье оборвалось, когда мы увидели на ступенях Мавзолея со стороны Исторического убитого – парень выглядел постарше нас. Рядом валялась разбитая бутылка, видимо, послужившая орудием. Часовые на посту № 1 стояли, как и всегда, не шелохнувшись.

Мы еще дошли до храма Василия Блаженного, но тут нас снова ждал сюрприз – перед Спасскими воротами лежал еще один убитый – у него из спины торчала наборная из цветного плексигласа рукоять ножа. Метрах в двадцати от него в воротах стояла охрана, но никто к убитому не подходил. Наша классная Лидия Николаевна решила, что, пожалуй, нам хватит впечатлений, и скомандовала «Все по домам!» Лично мне тоже что-то там оставаться уже не хотелось. Когда мы проходили мимо Исторического, там накапливались солдаты, а офицер рявкнул на нас, чтобы мы проваливали побыстрее, если не хотим оказаться в мясорубке. Ребята, которые задержались на площади, рассказывали потом, что часа в три ночи солдаты и милиция двинулись на зачистку местности, и попавшихся под руку не особо щадили...

Домой на Хорошевку мы пешком дотопали часам к пяти утра.

В печати, естественно, о событиях этой ночи не было сказано ни слова, но стало известно, что все классные руководители, которые отпустили своих ребят на Красную площадь без себя, права на классное руководство и соответствующей доплаты лишились и получили как минимум по строгачу. В Гороно директорам школ и завучам показывали фотографии, которые милиция делала в Александровском саду. Времена были целомудренные, откровенности в описаниях ждать не приходилось, но, если коротко – говорили, что чистая порнография... Количество убитых по разным данным составило от 3 до 8, количество порезанных бритвами перевалило за 50. Говорили, что все это было спровоцировано каким-то конфликтом москвичей с орехово-зюевскими. Так или иначе, но свободные прогулки выпускников по Красной площади на этом прекратились надолго.

Через несколько дней после всех этих событий мой папа собрался в командировку в Питер и в награду за окончание восьмилетки с отличием взял меня с собой. Так я впервые увидел этот город, который по сию пору ценю за архитектуру и музеи, но недолюбиваю за паскудный климат, снобизм питерцев и стойкий душок родины российской бюрократии.

Забавный случай был у нас в Летнем Саду. Сидевший рядом с нами на скамейке местный ветеран поговору безошибочно определил в нас москвичей, прицепился к какому-то слову и понес на Москву в классических питерских традициях: Москва-де – большая деревня, а вот Питер – Европа! Я, естественно, стал огрызаться, заходя с козырей – разжаловали вас из столиц, вот и завидуете. Старикана изрядно разозлил, и он, уже распалась, начал хвастать непревзойденной в мире архитектурой Питера. На это я ему едко, с моей точки зрения, ответил, что строили-то всю эту красоту москвичи – каменщики да плотники. Дед аж завопил: - Питер Росси строил, Трезини! Петр Питер строил!

Вот тут я его убил: - Так, Петр-то – наш, московский, он у нас в Коломенском родился. По-моему, это был первый в моей жизни человек, которого я довел до предынфарктного состояния...

Помимо уязвления местных я целыми днями мотался по Русскому музею, Эрмитажу, Исаакию и Казанскому собору, посмотреть-то в этой заштатной столице есть на что. А потом мы встречались с отцом и гуляли вместе. Вот там, на берегах Невы мы с ним обсудили жизненно важные вопросы в предвидении сурового времени окончания школы и поступления в вуз. Тогда-то отец мне и отчеканил: - Юра, помни – ты еврей, то, что сойдет с рук другому, тебе не простят. Там, где другому поставят «пять», тебе поставят «четыре», поэтому ты должен знать на «шесть».



Басманное правосудие

Я этот постулат понял и принял, потому что был уже большим мальчиком. А вот для еще одного серьезного вопроса мне тогда взрослости не хватило.

Пришла пора решать, на чем из моих разношерстных интересов остановиться и сосредоточиться. Вот я и спросил отца там, в Летнем Саду, во время совместного поедания мороженого: - Как быть – хочется и юриспруденцией заниматься и физиологией? Меня, кроме прочего, очень интересовала история и теория права – их возникновение и эволюция, то есть примерно то, чем я занимаюсь в биологии. Подумав секунду и, посмотрев мне в глаза, папа сказал: - Юра, неужели ты хочешь всю жизнь быть проституткой?

Вот так и определился мой путь в физиологию. Тогда я просто принял слова отца как четкую рекомендацию, а теперь неловко, что не додумал сам до конца вполне очевидную мысль. Жизнь, особенно в последние годы, заставляет с благодарностью

вспоминать те слова отца.

А потом мы засобирались, потому что надо было спешить к телевизору – СССР играл с Данией, всех пугали их страшно забивным центрфорвардом Оле Мадсенем. В гостинице единственный телевизор стоял в небольшой комнате, и, когда мы туда пришли, она оказалась плотно забита телами болельщиков. Отец застрял у входа, простреливая экран взглядом через многочисленные затылки с высоты своего роста, а мне видно там не было ни черта, и я, пользуясь своим изящным телосложением и практикой московского пацана по посадке в городской транспорт, протырился поближе. А там я увидел высокий и могучий шкаф, крышка которого не доставала до потолка сантиметров 70 и была совершенно пуста. Через мгновение я уже был там, а снизу завистливо зашумели: «Во пацан соображает!» Еще через минуту нас на шкафу уже было трое.

Сначала смех вызвало то, что в составе датчан оказалось пятеро Хансенов. Потом началось более предметное веселье – никакого Мадсена на поле видно не было, хоть он там и был. В тот раз раскатали «принцев датских» в одну калитку - 6:0! Вести себя спокойно на футболе я и сейчас не умею, а тогда шесть раз чуть не ссыпался из-под потолка.

В конце августа мы получили учебники 9-го класса, и я по обыкновению стал читать историю, географию и биологию, чтобы потом в течение учебного года к ним не возвращаться. Учебник Правдина «Биология» со всей его лысенковской ахинеей я читать не стал, потому что уже кое-что слышал об этом, а взялся за экономгеографию – там было много забавного.

А буквально через пару недель появились слухи, затем подтвержденные официально, что биологии у нас в 9-м классе не будет, а к следующему году подготовят совсем новый учебник. Оно и к лучшему получилось – в 9-м предвыпускном классе, мы больше дурака в школе валяли, а вот к 10-му подросел и учебник «Общая биология», действительно, современный и достаточно интересно написанный (по крайней мере, для меня) – уже с Менделеем, Морганом и Вейсманом, решеткой Беннета, ДНК и кроссинговером... Просто чудом избежал того, чтобы запакостить себе мозги лысенковским бредом...